

усматривать задачи; талантъ художника, изъ источника собственной забавы дѣлается *призваниемъ*, этически выбраннымъ... Въ процессѣ развитія творчества, какъ и въ духовномъ развитіи самаго человѣка, *моментъ* утраты непосредственности влечетъ за собою одинаковыя слѣдствія, будеть-ли то для творчества или для самаго человѣка...

Гёте говорилъ про себя, что онъ предподпитаетъ, чтобы для него, какъ художника, оставался скрытымъ тотъ принципъ, въ силу котораго онъ работаетъ. «Счастье наше. писалъ Бѣлинскій, что натура Пушкина не поддалась рефлексіи: оттого онъ и великий поэтъ»... «Страшно, говорилъ тотъ же Бѣлинскій, подумать о Гоголѣ: вѣдь во всемъ, что онъ написалъ—одна натура—какъ въ животномъ!» Представьте же себѣ теперь, что такой художникъ, какъ Гоголь, творящій непосредственно, безсознательно, какъ бы по инстинкту, вздумаетъ сознательно начать себѣ опредѣлять тотъ принципъ, въ силу котораго онъ творить, какъ художникъ, иожеластъ сознательно опредѣлить съ этической стороны себя—эстетика. Разумѣется, что процедура эта, будучи начата *во время* творчества, въполномъ развитіи художественной дѣятельности писателя, творящаго таѣ непосредственно,—пенишумо висесть въ душу и умъ его разладъ, рефлексію, которая убьетъ напосредственное творчество, и не дастъ сознательного, и въ конечномъ своемъ резултатѣ также фактически лишить насъ въ писателѣ *художника*, на мѣсто котораго становится этически совершенствующій себя человѣкъ, который,—продолжая, какъ бы по инерціи, разъ начатую дѣятельность *писателя*,—пишетъ и проповѣдує уже въ духѣ идеаловъ исключительно этическихъ, съ которыми связано дѣло его собственнаго «я», его личнаго развитія. Невозможно безъ искренняго участія читать эти строки Гоголя изъ его «Авторской исповѣди», эту писанную имъ